

НИКОЛАЙ
ШПАНОВ

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
НИЛА КРУЧИННИНА**

**ТАЙНЫЙ
ФРОНТ**

Тайный фронт

Николай Шпанов

Приключения Нила Кручинина

«Алисторус»

1945, 1946, 1953

УДК 82-312.4
ББК 83.3стд1-444.57

Шпанов Н. Н.

Приключения Нила Кручина / Н. Н. Шпанов — «Алисторус»,
1945, 1946, 1953 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00222-288-9

В этой книге собраны лучшие рассказы Николая Шпанова – классика советской приключенческой литературы. Детективы Шпанова по праву считались неординарными. Только ему удалось создать незабываемый образ советского сыщика-любителя – Нила Кручина, ставшего невероятно популярным. Он – настоящий философ. И истинно советский философ, выводящий на чистую воду шпионов, диверсантов и убийц. У него имеется и свой доктор Ватсон – верный Грачик. Эта пара завоевала советского читателя, она придется по душе и вам. Как и детективные сюжеты Шпанова, который забрасывает своих героев то в Венгрию, то в Норвегию – ведь Советский Союз стал после войны сверхдержавой. Перед вами великие сыщики великой державы!

УДК 82-312.4
ББК 83.3стд1-444.57

ISBN 978-5-00222-288-9

© Шпанов Н. Н., 1945, 1946, 1953
© Алисторус, 1945, 1946, 1953

Содержание

В новогоднюю ночь	7
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Николаевич Шпанов

Приключения Нила Кручинина

© Шпанов Н.Н., 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

Николай Шпанов

В НОВОГОДнюю НОЧЬ

Нил Платонович Кручинин и Грачик (он же Сурен Тигранович Грачмян) приехали в этот город, освобождённый Советской Армией от гитлеровских захватчиков, через несколько месяцев по ликвидации в нём последних очагов сопротивления. То был один из промышленных центров страны, служивший оккупантам базой снабжения нацистской армии.

В прежние времена эта страна была одной из основных частей двуединой монархии. Его апостолическое величество включал название гордой маленькой страны в свой пышный титул, а феодалы – потомки древних пришельцев-завоевателей, – пополняя ряды свиты «короля-императора», охотно смешивались в ней с такими же, как они, потомственными рабовладельцами германского происхождения. Эта титулованная двуединая шайка беспощадно эксплуатировала все другие национальности дряхлой монархии и, не щадя крови, подавляла их попытки сбросить иго ненавистного режима. Но, ни тот народ, от имени которого правили германские эрцгерцоги, ни тот, чьё имя носили их светлейшие союзники с Великой венгерской равнины, не нёс и не несёт ответственности за разбойников. Хотя и существует поговорка, гласящая будто каждый народ имеет правительство, какого достоин, но, право, этот трудолюбивый и даровитый народ был достоин лучшего режима, чем фашистский ад адмирала-диктатора, продававшего Гитлеру достояние и кровь своего народа.

Кручинин и Грачик приехали, преследуя цель, не имеющую ничего общего с событиями, описываемыми в этой истории. Но достаточно было их паспортам попасть для отметки к портье отеля, чтобы на следующий, же день у них появился с визитом шеф местной народной полиции – в недавнем прошлом функционер социал-демократической партии и редактор се газеты в этом городе. По-видимому, как один из руководителей новой демократической администрации, он считал долгом лично приветствовать представителей великого народа-освободителя. А труды Кручинина по вопросам криминалистики создали последнему такую популярность не только на родине, а и за рубежом, что было бы бесполезно соблюдать инкогнито, даже если бы нынешний шеф полиции и не был газетчиком.

В освобождённой Венгрии

Шеф полиции, немолодой уже толстяк, попал в руководители полиции прямо из редакторского кресла газеты. Он уверял, что аппарат полиции почти полностью обновлён и демократизирован, что из полиции – во всяком случае, из её верхушки – безусловно вычищены все фашистские элементы и что жизнь в городе течёт теперь спокойно.

Шеф непринуждённо болтал, по-видимому, не стесняясь своего дурного произношения немецкой речи.

– Как ни велико наше желание увидеть советских коллег в деле, чтобы поучиться у них, желанию этому сбыться не суждено, – с улыбкой заявил он. – Я убеждён, дорогой коллега Кручинин, что ваше пребывание у нас не будет омрачено ничем. Никакого материала для хроники происшествий. Хо-хо, я даже собираюсь уволить репортёров отдела происшествий!

– Как вы сказали? – заинтересовался Кручинин. – Репортёры?

– Хо-хо! В голове у меня пока ещё не разложились по разным полкам сыщики и репортёры, полицейские офицеры и редакторы. До сих пор не могу понять, где кончается редакция и начинается полицейское управление. Хо-хо!

Кручинин слушал, прищурившись и молча, кивал головой.

Грачик видел, что его другу делается не по себе от этих разговоров розового шефа. Но все же Кручинин слушал молча, считая, по-видимому, неудобным спорить на такую деликатную тему, да и стоило ли разрушать оптимизм здешних людей в радостный период весны их нового государственного строительства.

Это свидание произошло двадцать девятого декабря. Через два дня, то есть тридцать первого декабря, шеф полиции прислал гостям официальное поздравление с наступающим Новым годом и ещё по телефону пожелал им приятно встретить знаменательную дату – первое января первого действительно свободного и спокойного года в жизни этого свободолюбивого народа. В заключение шеф напомнил о высоких качествах вин, выделяемых в его стране, и порекомендовал хороший ресторан. Друзья приняли рекомендацию к сведению, но никуда не пошли.

Кручинин с удовольствием слушал лившиеся из маленького репродуктора мелодии национальных песен и танцев, послуживших когда-то неисчерпаемым источником для бессмертных творений Ференца Листа. Он с досадой прикрикнул на Грачика, пробовавшего на пианино подобрать эти мелодии. Хотя молодой пианист делал это, включив модератор, но не слишком хорошо настроенное пианино раздражало Кручинина. Хотя он сам и не умел взять ни одной ноты, но искренно любил музыку и разбирался в ней. К тому же он считал, что в каждой стране следует слушать то, что создано в ней её народом, её талантами. А этой стране было что предьявить.

– Как приятно было бы, если бы ты, дружище, отложил свои экзерсисы до другого раза, – иронически сказал Кручинин. – Ведь не каждый день бывает канун Нового года. Зачем портить его людям, которые не сделали тебе ничего дурного... Небось, к полуночи радио перейдёт на фокстроты – тогда ты покажешь мне своё искусство... Ладно?

Грачик со смехом захлопнул пианино.

Бутылка скверного трофейного шампанского в ведёрке со льдом стояла у них в комнате. Они предвкушали встречу Нового года в кругу, теснее и дружественнее которого трудно себе что-нибудь представить, – вдвоём. Без четверти двенадцать, едва успел выйти из номера официант, подавший фрукты, раздался телефонный звонок. Грачик был совершенно уверен, что это снова тот же гостеприимный начальник полиции с новыми, успевшими немного надоесть поздравлениями. И действительно, сняв трубку, Грачик услышал его голос:

– Дорогой коллега, прошу вас узнать, будет ли господин Кручинин иметь что-нибудь против того, чтобы я за вами сейчас заехал?

Грачик искоса глянул на часы. Стрелки показывали без десяти двенадцать.

– Благодарю вас, – сказал он в трубку, – но мы отлично встретим Новый год и дома Совершенно отлично! Потом скажите нам, пожалуйста: куда вы успеете нас свезти к двенадцати часам? Никуда. А по нашему обычаю пьют за Новый год, когда бьют часы. Именно когда бьют часы! ...

Толстяк не дал ему договорить:

– Да, да, таков и наш обычай, выпивать первый бокал под двенадцать ударов часов, завершающих старый год. Но вы неверно меня поняли. Случилось многозначительное происшествие... на добрый подвал, а то и на целую серию подвалов... Мы так надеемся, что советские друзья не откажут нам в помощи.

По словам шефа, он был в нескольких шагах от отеля и ждал только разрешения заехать, чтобы объяснить все и мчаться на место «многозначительного» происшествия.

Грачик видел, что Кручинину в данный момент больше всего хотелось откупорить шампанское и, уютно устроившись перед пылающим камином, произнести тост. Но в такой, же мере Грачик был уверен и в том, что если он сейчас откажет полицейскому, Кручинин будет обвинять его во всех смертных грехах, первым из которых будет нерадение к делу, порождаемое «армянской склонностью к нему». Поэтому, прежде чем Кручинин успел его спросить, в чём дело, Грачик бросил в телефонную трубку:

– Заезжайте, пожалуйста, заезжайте. Мы уже спускаемся.

Услышав это, Кручинин обернулся.

– Если тебе хочется куда-нибудь ехать, поезжай один. Я ни за что не сниму этих туфель, – и он пошевелил протянутыми к огню ногами в тёплых ночных туфлях.

– Сидите, пожалуйста, друг мой джан, – сказал Грачик насколько мог невозмутимо, – я могу поехать один. Пожалуйста.

Он не решился сказать то, что думал: как отлично было бы, если бы Кручинин остался дома. Грачик поехал бы на операцию один. Он своими силами показал бы здешним людям, чего стоит советская школа расследования! Однако мысль эта была мимолётной. Грачик тут же устыдился её. Он так уважал и любил своего спутника, что готов был бы уступить ему и всю собственную славу, если бы она у него была. Увы, её было у него ещё так мало, что едва ли она могла что-нибудь прибавить к популярности Кручинина.

Грачик стал проверять фотоаппарат, который всегда был при нем.

– Собираешься запечатлеть интересную новогоднюю компанию? – насмешливо спросил Кручинин, разрезая кожуру апельсина и загибая её на манер лепестков цветка.

– Меня больше интересует происшествие, о котором только что сообщил шеф полиции, – ответил Грачик.

– Происшествие? – Брови Кручинина поднялись, и он рассмеялся: – Предвкушаешь таинственное убийство на новогоднем балу?

– Не знаю, где и что произошло, но что-то случилось. По словам шефа полиции, «многозначительное» происшествие. Понимаете, – многозначительное.

– Так почему же ты не передал мне трубку? – перебил его Кручинин и поднялся с кресла.

– Потому, что нам некогда. Его машина уже тут, у подъезда. – И Грачик с улыбкой добавил: – И мы, кажется, уже спускаемся...

Больше Кручинин не задал ни одного вопроса. Недочищенный апельсин полетел обратно в вазу. Через минуту они оба стояли у подъезда в пальто и шляпах.

Однако, прежде чем продолжать повествование, необходимо, по-видимому, ближе познакомить читателя с тем, кто такие Кручинин и Грачик, рассказать, как сошлись пути их жизни и дружбы, приведшие их в этот чужой город. А ещё раньше нужно сказать, что Грачик – это вовсе не фамилия Сурена Тиграновича. В паспорте у него совершенно ясно написано «Грачян». Это и правильно. Но в те времена, когда С.Т. Грачян бегал ещё в коротких штанишках,

он однажды принёс домой подбитого кем-то птенца-граченка, вылечил его и вырастил. Юный птицелов был так же чёрен, вертляв и так же доверчиво глядел на людей, как и его питомец. Вероятно, поэтому к нему так легко и пристало брошенное как-то матерью ласковое «Грачик». В семье его стали так называть. Сначала в шутку, потом привыкли. Прозвище осталось за ним в школе, и в жизнь он ушёл для всех уже Грачиком. Он и знакомясь-то, представлялся; «Грачик». Не такая уж беда, если некоторым бюститителям официальностей это покажется нарушением этикета.

Знакомство Кручинина и Грачика произошло в одном из санаториев, примечательном только тем, что он расположен в весьма живописной местности, на берегу широкой, вольной реки. Сурен Тигранович Грачик увидел Нила Платоновича Кручинина посреди лужка – там, куда не доставали длинные тени берёзок. Кручинин, прищурясь, глядел на расставленный перед ним походный мольберт. Время от времени он делал несколько мазков, отходил, склонив голову, и, прицелившись, снова делал быстрый мазок, словно наносил полотну укол. И опять отходил и глядел, склонив голову набок.

Грачика не только заинтересовал, – ему просто понравился этот скромный, немногословный человек, одинаково благожелательно, но без малейшего оттенка навязчивости, относившийся ко всем окружающим. Старые и молодые люди, стоявшие на самых высоких и на низких ступенях служебной лестницы, – все встречали в нём одинаково внимательного слушателя. Но никто не мог похвастаться тем, что слышал от него больше десяти слов. Ни его костюм, ни повадка, ни разговоры не позволяли определить его профессию или общественное положение. Черты его лица могли одинаково подойти врачу, главному бухгалтеру или представителю любой профессии и любого вида искусства, кроме разве актёра. Лицо его обрамляла мягкая круглая бородка, и аккуратно подстриженные усы украшали верхнюю губу. Усы были светлые и потому тронувшая их седина была так же едва заметна как в бороде. Взгляд его голубых глаз оставался всегда одинаково спокойным, не выдавая его настроений. Ко всему тому, как говорится, – никаких «особых примет»: рост средний, упитанность средняя, ничего бросающегося в глаза. Впрочем нег, – была в нём особенность. Мимо неё не мог пройти внимательный наблюдатель: его руки. Сильные, но с узкой гладкой кистью, с длинными тонкими пальцами. Его руки были, пожалуй, самым красивым образцом этой части тела, какие когда-либо доводилось видеть Грачику. Вероятно, именно такими руками должен был обладать тонкий ваятель или вдохновенный музыкант. Микельанджело или Шопен – вот кому были бы к лицу подобные руки. Или нет, такие чуткие, длинные, словно живущие самостоятельной одухотворённой жизнью пальцы должны были, наверно, наносить на нотные строки нервные мелодии Скрябина.

Грачик довольно долго наблюдал за работой Кручинина у мольберта, прежде чем решился подойти к нему. Он видел, что его приближение не осталось незамеченным. Но, когда Грачик ещё не знал, что нескольких мгновений, необходимых ему для преодоления разделяющего их зелёного пространства лужайки, Кручинину достаточно, чтобы окончательно изучить его внешность, перед тем, как дружески протянуть молодому человеку руку или встретить его безразличным замечанием.

Как уже сказано, Кручинин не принадлежал числу тех, кто встречает людей по наружности. Тем не менее, изучение внешности всегда имело существенное влияние на его отношение к собеседнику.

Тут нужно особенно подчеркнуть то, что короткий, но внимательный осмотр приближающегося к нему молодого человека не был для Кручинина первым. Потом Грачик узнал, что с самого момента своего появления в санатории он стал предметом изучения Кручинина. Нил Платонович был большим человеколюбом. Появление на его горизонте всякой новой фигуры интересовало его. Новому человеку нужно было оказаться полным нулём, чтобы Кручинин остался к нему равнодушным.

Итак, Грачик, как сказано, не мог и знать, что Кручинин уже давно составил себе о нем представление, как почти всегда, довольно верное.

Не нужно было заглядывать в анкету Грачика, чтобы с уверенностью определить его армянскую национальность. В меру крупный, тонких линий нос с большими нервными крыльями, мягко очерченные губы сочного рта, не выдающего сильного характера, очень большие, темно-карие глаза под бровями, которые художник, вероятно, признал бы слишком пушистыми, слишком подчёркнуто чёрными и чересчур близко сошедшимися над переносицей. Ко всему этому – нежный загар, разлитый по гладкому, девичьей нежности лицу. Все это были детали, удачным сочетанием которых природа создала приятное, отмеченное нервной живостью и темпераментом лицо. К этому можно было добавить маленькие, без излишнего кокетства, но аккуратно подбритые усики, едва заметную синеву на подбородке и волну иссиня-чёрных волос, лежащих непослушными прядями, несмотря на очевидные старания уложить их при помощи воды и бриолина. Руки – часть тела, на которую Кручинин всегда обращал особенное внимание, – подчёркивали впечатление нервности, производимое наружностью Грачика.

Однако Кручинин уже после двух-трех дней наблюдения за этим понравившимся ему с первого взгляда молодым человеком определил, что нервность и темпераментность, которыми дышала наружность Грачика, находились под достаточно крепким замком твёрдой воли и хорошего воспитания.

Когда Грачик приблизился, Кручинин встретил его прямым взглядом весело искрящихся глаз. Вместо приветствия он добродушно спросил:

– Что скажете? – и указал кистью на мольберт.

Грачик зашёл ему за спину и взглянул на холст, ожидая увидеть берёзки, перед которыми стоял мольберт. Но, к его удивлению, там было изображено нечто совсем иное: церковь, заброшенный погост.

Вокруг сияла радость ясного солнечного утра, а этюд был освещён розовато-сиреневой грустью заката.

– Разве не удобнее писать с натуры? – удивлённо спросил Сурен.

– Прежде я так и делал, – сказал Кручинин, – когда зарабатывал этим хлеб.

– А теперь?

– Теперь это – тренировка глаз. Вот, скажите: верно схвачено вечернее освещение? Я был там только раз и всего минут десять. Нарочно не хожу больше, пока не закончу. Как с освещением, а? В остальном-то я уверен.

– В чем вы уверены? – не понял Грачик.

– В деталях: церковь и... вообще все это, – он указал на изображение погоста.

Место, воспроизведённое Кручининым, было хорошо знакомо Грачику. Он любил бывать там и именно вечерами. Он был уверен, что хорошо представляет себе и старенькую церковь и окружающий её характерный пейзаж.

Грачику показалось, что, несмотря на свою уверенность, Кручинин передал пейзаж неверно. Он выписал целый ряд деталей, которых там в действительности не было. Вот, например, эти кресты: не может быть, чтобы они стояли так – вразброд, в «фантастическом» беспорядке, будто нарочно выдуманном художником. И вон той покосившейся живописной скамеечки слева вовсе нет на погосте. Не видел там Грачик и остатков ветхой изгороди в углу погоста.

– Вы подрисовали тут кое-что от себя, – сказал он и указал на занимающую передний план гранитную плиту заброшенной могилы. – А вот уже и настоящая ошибка, смотрите...

Ясно виднелись высеченные в граните цифры. Но вместо «1814» – даты, стоявшей на камне, – Кручинин почему-то изобразил «181Н». Четвёрка была старательно выписана задом наперёд.

– Ну вот и это тоже художественная деталь, выдуманная вами для оригинальности, – не без удовольствия подтрунил Грачик.

– Ради оригинальности? – повторил Кручинин, и на мгновение брови его сошлись у переносицы.

– Во всяком случае от себя. – поправился Грачик, заметив, что его слова задели художника.

– От себя? – снова повторил Кручинин и, прищурившись, пригляделся к полотну. – Перед ученом мы с вами пройдемся, сравним этот набросок с натурой... хотите?

Когда они пришли на место, был тихий, спокойный вечер. При этом небо на западе выглядело именно таким, каким изобразил его Кручинин, и освещение погоста оказалось переданным очень верно. В первый момент Грачика даже ошеломило это поразительное сходство трудно передаваемых нежных полутонов. То, что виднелось на горизонте, казалось увеличенным до гигантских размеров кручининским полотном. Но каково же было удивление Грачика, когда он увидел, что кресты, представлявшиеся ему прежде стоящими ровными рядами, оказались наклонёнными в разные стороны, повернутыми под беспорядочными углами друг к другу. Бросилась в глаза и скамеечка, мимо которой Грачик проходил десятки раз, не заметив её. «Вероятно, я не заметил её потому, что она не возбуждает желания сесть из-за её ветхости», – подумал Грачик и подошёл к могильному камню. К его удивлению, выбитая рукою неискусного сельского ваятеля дата выглядела, действительно, несколько необычно: «181Н» – очевидная ошибка неграмотного каменотёса.

Все остальное на погосте выглядело в точности так, как на этюде Кручинина.

– И вы будете уверять, будто видели все это только один раз и то накоротке? – с нескрываемым недоверием спросил Грачик.

– Не больше десяти минут, – с таким же нескрываемым удовольствием ответил Кручинин.

– Это почти феномен, даже настоящий феномен! – восторженно проговорил Грачик, подумывая необыкновенную зрительную память Кручинина.

Тот задумчиво почесал бородку и неуверенно произнёс:

– Кое-что врождённое было, конечно, но немалую роль сыграла и тренировка. Мой глаз схватывает теперь все, как фотопластинка... Схватывает и запечатлевает.

Это знакомство не закончилось в санатории, подобно большинству санаторных знакомств. Они вновь увиделись в Москве, познакомились ближе, сошлись. Прошло немало времени, прежде чем Грачик узнал от Кручинина историю его жизни.

Кручинин родился в Ялте. Ещё гимназистом Кручинин обнаружил способности к рисованию. Нил делал этюды на продажу, и курортники охотно покупали его акварели с видами Крыма. Это было тем более, кстати, что вскоре Нил осиротел. Но так как юноша задался целью, во что бы то ни стало окончить гимназию, он старался уложить свои занятия живописью в минимум времени. Именно тут он и обнаружил в себе способность, раз внимательно взглядевшись в пейзаж, воспроизводить его на память с идеальной точностью. Дальнейшая жизнь Кручинина сложилась совсем не так, как он хотел. Вместо Академии художеств, о которой он мечтал, он очутился на юридическом факультете, только потому, что там ему удалось получить общежитие. В наши дни это может кое-кому показаться даже дурным – потерей принципиальности в выборе профессии, но в те времена кусок хлеба и крыша определяли для многих возможность учёны.

Пришла революция. Кручинин окончил университет и увлёкся ролью защитника в новом советском суде. И тут неожиданно, в двух или трех случаях его соревнования с обвинением, обнаруживаются поразительная сила его анализа к особенностям памяти. Вскоре он оставляет профессию адвоката и переходит на судебную работу. Основным вопросом, занимавшим Кручинина, было положение личности в судебном процессе. На первый взгляд ясно, что всякий

суд должен найти истину и результатом сязкого процесса должна быть установленная судом истина. Однако это упиралось в несовершенство предварительного следствия. И вот партийная непримиримость Кручинина заставляет его искать решения, обеспечивающего не только раскрытие истины в процессе, но и гарантирующего священные права гражданина, будь он жертвой преступления или его виновником.

Быть может, это было перегибом, но Кручинин, недооценивая значения судебного следствия, утверждал, что предварительное следствие и его результаты определяют весь ход и якобы даже результаты судебного процесса. Так или иначе, поступая правильно или ошибочно, но, обогащённый адвокатской практикой и работой за судейским столом, Кручинин ещё раз меняет кресло судьи на очень скромное положение сотрудника криминалистической лаборатории, чтобы изучить научно-технические методы распознавания следов преступления. Затем следует работа оперативным уполномоченным. Цель его усилий – совместить в одном лице функции и искусство следователя и криминалиста-розыскника. Кручинин считает, что созданный Конан-Дойлем образ сыщика-универсала совершенно неосновательно свысока осмеивается нашей литературой. Верна такая точка зрения или нет, – Кручинин имел на неё право. Плоды его деятельности на поприще борьбы с преступниками доказывают, что доля справедливости в его мнении была.

Когда Грачик и Кручинин встретились, молодой человек ещё не был способен сколько-нибудь критически оценить принципиальную позицию своего будущего друга и руководителя. Но то, что рассказывал Кручинин, неподдельно увлекало его темпераментного слушателя. Одним словом, Кручинин приобрёл в Грачике то, что в высоком стиле именуется «пламенным поклонником». Но этот «поклонник» не был простым созерцателем чужого таланта, – он хотел ему подражать, быть его последователем.

Знакомство Грачика и Кручинина перешло в дружбу. Взаимная симпатия и доверие, которое они почувствовали друг к другу, привели к тому, что в дальнейшей жизни они не только часто встречались, но много и плодотворно сотрудничали.

Впрочем простое слово «сотрудничали» неверно определяют их отношения. Нужно было бы сказать, что Нил Платонович с таким же увлечением вводил своего молодого друга в тонкости своего искусства, с каким тот стремился их постичь. Грачик с головою ушёл в область криминалистики и расследования правонарушений. Что говорить! Это оказалось совсем не таким лёгким учением. И Нил Платонович оказался вовсе не лёгким учителем.

Не очень лёгким (из-за своего природного упрямства) учеником был и Грачик. Но, быть может, они потому так близко и сошлись, что были столь мало схожи характерами?! Так или иначе, к тому времени, когда Кручинин вышел в отставку, он мог уже без натяжки сказать, что имеет в лице Грачика вполне достойного преемника: кругозор и знания молодого криминалиста расширялись с каждым днём, интерес к делу неуклонно повышался. Кручинину оставалось дружески руководить его первыми неуверенными, не очень твёрдыми шагами на поприще розыскной работы. Возможно, что другого человека на месте Кручинина и испугала бы некоторая наивность ученика. Но Нил Платонович успел изучить его характер и знал, что эта кажущаяся наивность – лишь результат душевной чистоты и, ни в коей мере не может повредить работе. Иной раз Грачик, действительно, мог ошеломить собеседника возгласом искреннего удивления или возмущения там, где человеку уравновешенному нечему было бы ни удивляться, ни возмущаться. Но была ли южная экспансивность молодого человека отрицательной чертой? Скорее, наоборот, коль скоро он умел владеть собою на работе не хуже любого опытного оперативника. Одним словом, содружество постепенно уходящего от дел (и никак не могущего от них уйти) ветерана следственно-розыскной работы Кручинина и начинающего свою деятельность Грачика пока давало наилучшие плоды.

Теперь, когда читатель знает в основных чертах, кто такие Кручинин и Грачик, можно, пожалуй, продолжить рассказ о том, что случилось в ту новогоднюю ночь, когда они покинули

уютный номер гостиницы, оставив на столе недопитые бокалы, и что заставило их пуститься в путь в обществе шефа местной полиции.

Пока они ехали куда-то на окраину города, шеф подробно описал происшествие, как оно ему представлялось. Вследствие стремительности наступления Советской Армии гитлеровцам не удалось почти ничего уничтожить в городе. Большая часть заводов и складов готовой продукции стояла целёхонькая, русские сапёры разминировали их один за другим. К сожалению, при этом произошло несколько несчастных случаев. Немцы применили новый тип мин, которые не удавалось обнаружить обычными средствами миноискания. Планы минирования некоторых объектов отсутствовали в архиве немецкой комендатуры, захваченном советскими войсками.

В числе других отсутствовал и план минирования важнейшего инженерного сооружения города, его энергетического сердца – самой крупной электростанции, снабжавшей энергией весь промышленный узел. Никто не сомневался в том, что централь тщательно заминирована. Не сомневались и в том, что существует точный план минирования. Поговаривали о том, что при отходе гитлеровцев комендант выдал этот план директору станции доктору Вельману. Вельман пользовался репутацией человека, преданного своим хозяевам – акционерному обществу, владевшему станцией. Номинально это акционерное общество было отечественным, но фактически оно являлось едва замаскированным дочерним предприятием американской монополии, ещё задолго до войны внедрившейся в энергетику этой страны. То, что враги не взорвали станцию, объяснялось, по-видимому, желанием сохранить ценное сооружение для его хозяев, если они скоро вернуться. А если нет, то уж... станция взлетит на воздух вместе с новым персоналом и охраной. По-видимому, таков был замысел.

Между тем Вельман утверждал, что плана у него нет, а новые власти по вполне прости-тельному либерализму, не желая компрометировать Вельмана, не дали приказа обыскать тайники в бюро директора, расположенном на самой станции, или помещения самой централи. К тому же новая полиция боялась, чтобы каким-нибудь случайным замыканием не вызвать взрыва всего сооружения.

И вот полчаса тому назад дежурный полицейский офицер, делавший обход своего участка, куда входила станция, донёс, что убит секретарь Вельмана и не где-нибудь, а в служебном бюро директора, в здании станции.

– Когда? – спросил Кручинин.

– Почти на глазах этого офицера. Офицер говорит, что...

Кручинин перебил:

– Все остальное расскажет сам офицер.

Подъехали к станции. Это было огромное здание в готическом стиле, сложенное из нештукатуренного кирпича и больше походившее на старинную кирху, чем на электростанцию.

В просторном турбинном зале бездействующей станции царил тишина. Из предосторожности даже ток для освещения здания подавался теперь извне.

Все невольно примолкли.

Их вёл немолодой уже, очень смуглый лейтенант полиции, с лихо закрученными «а ла Вильгельм второй» усами, до того чёрными, что они казались крашеными. Форма на лейтенанте, в отличие от его новоиспечённого шефа, сидела вполне исправно.

Этот усатый брюнет и был офицер, обнаруживший убийство. Он не производил впечатление новичка в своём деле. Держался он спокойно и уверенно, даже, как показалось Грачику, с дозой некоторого пренебрежения к своему начальнику.

На половине пути шеф полиции, спохватившись, что не представил гостям своего лейтенанта, сказал:

– Это – Круши. Один из наших лучших офицеров.

С этими словами шеф приподнялся на цыпочки, чтобы покровительственно похлопать лейтенанта по плечу.

Пока шли длинными переходами и поднимались по лестнице на третий этаж, где было расположено бюро директора, лейтенант Круши не спеша рассказывал то, что знал:

– Делая обход этого участка, я заметил в одном из окон станции свет. Я знал, что по приказу полиции внутрь здания никто без особого разрешения допускаться не должен. Мне показалось маловероятным, чтобы такое разрешение понадобилось кому-нибудь за полчаса до Нового года. Я и сам-то спешил покончить с обходом, чтобы успеть забежать в какой-нибудь ресторанчик, раз уже нельзя было встретить это событие дома. Однако пройти мимо этого освещённого окна, не узнав, почему оно освещено, я не мог. Что-что, а уже службу-то я знаю... двадцать четыре года... с того самого дня, как покончил со службой в армии... Хорошо-с. Значит, нужно было поглядеть, в чём тут дело. Я попытался открыть боковой служебный ход, ведущий прямо на внутреннюю лестницу, но замок оказался испорченным, дверь не отворялась. Пришлось идти через ворота, чтобы попасть на эту же лестницу через машинный зал, как я веду теперь вас.

– Вы так хорошо знаете расположение станции, что сразу определили, где именно горит свет? – спросил Кручинин.

– Да, станция входит в мой участок много лет. Я знаю тут каждый угол.

– Это хорошо, – удовлетворённо сказал Кручинин. – У вас были ключи от всех дверей?

– Связка контрольных ключей всегда находится у дежурного по участку полицейского офицера. Мало ли что: взрыв, пожар...

– Хорошо, очень хорошо, – повторил Кручинин. – Итак?

– Я проник на станцию через зал, где постоянно дежурит наш полицейский, прошёл в этот отсек, куда мы с вами сейчас входим, и поднялся по этой же лестнице. Вот она перед вами, господа... Дежурному полицейскому в зале я приказал на всякий случай оставаться на посту внизу. Когда я был уже вот здесь, на последнем марше, в бюро директора раздался выстрел. Я побежал, перескакивая через несколько ступенек. Дверь, вот эта самая, которую вы видите перед собой, оказалась незапертой. Толкнув её, я вбежал в бюро – вот оно перед вами. Это – первая комната, здесь сидит секретарь, отсюда вот эта дверь ведёт в кабинет господина доктора Вельмана. В тот самый момент, когда я нажал её ручку, раздался второй выстрел. Распахнув створку, я увидел, что стреляет кто-то стоящий на коленях спиной ко мне. Он стрелял вон туда, по направлению той маленькой двери, ведущей на запасную железную лестницу. Когда я вбежал в кабинет, стрелявший выронил револьвер и упал лицом вниз – вот так, как он лежит и сейчас. Приподняв его голову, я сразу опознал господина Браду, конторского секретаря директора.

– Конторского секретаря? – переспросил Кручинин. – А у Вельмана был ещё какой-нибудь секретарь?

– Да. Частный секретарь – госпожа Эла Крон. Она живёт у него в доме и, как поговаривают кумушки... впрочем это знает весь город: доктор Вельман неравнодушен к красивым женщинам.

– Но, но, без пошлостей, Круши, – строго прикрикнул шеф. – Давайте дальше ваш фельетон, то есть я хотел сказать доклад.

– Слушаю-с... Докладываю дальше, – с подчёркнутой почтительностью ответил лейтенант. – Я бросился к этой задней дверце, но она оказалась запертой. Ключа от неё в нашей связке нет. Чтобы задержать убийцу, нужно было снова бежать кругом, я дал свисток, вызывая полицейского, стоявшего в зале.

– Отсюда ему был слышен ваш свисток? – спросил Кручинин.

– Об этом я в тот момент не подумал... пожалуй, вы правы: парень мог бы и не услышать свистка. Но, к счастью, он оказался догадливым малым. В тот момент, когда я отнимал свисток

ото рта, он уже и сам вбегал в комнату. Он исправный служака, – добавил лейтенант, кладя свою большую, покрытую обильной чёрной растительностью руку на плечо молодого дружинника, даже ещё не переодетого в форму и только носящего на рукаве отличительную повязку, – он достоин награды, начальник.

– Да, да, непременно, – с готовностью согласился шеф и торопливо добавил: – Однако дальше, дальше! ... Читатель ждёт продолжения.

– Простите, – прервал его Кручинин, – если позволите, один вопрос этому дружиннику. – Вы были оставлены лейтенантом на посту в машинном зале?

– Так точно.

– Без разрешения лейтенанта покинули пост и поднялись сюда?

– ...Собственно... – смутился дружинник.

– Отвечайте: вы покинули свой пост?

При этом вторичном вопросе глаза дружинника сверкнули недобрый огоньком, и он неохотно пробормотал:

– Лейтенант же сам свистел...

– Когда он подал свисток, вы уже были у двери, здесь, наверху. Значит, пост вы покинули много раньше, чем слышали свисток.

Дружинник опустил глаза.

– А вы говорите, что из него выйдет толк? – с усмешкой сказал Кручинин лейтенанту. И далее, обращаясь к шефу: – Больше у меня вопросов нет.

– Вы правы, тысячу раз правы, – воскликнул начальник полиции. – Не хвалить таких нужно, а взыскивать с них, да, да, строго изыскивать!.. Однако дальше, дальше...

Покрутив ус, лейтенант продолжал:

– Слушаю-с, эта дверь заперта совершенно очевидно преступником...

– Нет, нет, пока не нужно заключений, – перебил шеф. – Только факты, факты, факты! Ну-с?!

– Слушаю-с. Пока я бежал по этой лестнице и очутился у ворот, все было, по-видимому, кончено. У подъезда, к которому ведёт вот та запасная лестница, мы нашли след недавно отъехавшего автомобиля. Убийца скрылся.

– И тогда вы?

– Тогда я пошёл к телефону и протелефонировал вам, господин начальник, не считаясь р тем, что это было чертовски не вовремя. Но долг остаётся долгом, даже под Новый год.

– Отлично, отлично, – сказал шеф и обратился к Кручинину: – Как вы думаете, не перейти ли теперь к выводам?

– Конечно, если они у него сложились.

– Вот теперь давайте ваши выводы, – приказал шеф, поворачиваясь к Круши. – Даже самый загадочный фельетон должен иметь развязку.

– Слушаю-с. – Лейтенант не спеша и очень уверенно проговорил: – Не думаю, чтобы я ошибался... Когда наступили дни ожидания приближения советских войск, господин доктор Вельман перенёс личные ценности из дома в этот вот сейф...

Лейтенант указал на массивный несгораемый шкаф, вделанный в стену директорского кабинета. Бронированная дверца шкафа была распахнута настежь. Виднелись аккуратно сложенные стопки документов, тщательно составленные один к другому и пронумерованные регистраторы. Была ещё стопка больших конвертов из голубого полотна. На каждом из них тоже виднелся тщательно написанный номер. Все говорило об аккуратности владельца шкафа и его привычке к порядку в делах. Несколько внутренних отделений шкафа оставались запертыми. Только один небольшой ящик был выдвинут – в нём ничего не было.

Убедившись в том, что все осмотрели шкаф, лейтенант продолжал:

– Что-либо помешало доктору Вельману вовремя взять свои ценности отсюда. У нас, в полиции, достаточно хорошо знают его, и он не мог рассчитывать получить пропуск не только в этот кабинет, но и вообще на территорию станции. И вот, пользуясь некоторой суетой, которая всегда царит в новогоднюю ночь, тем, что никто из начальства в эти часы на службе, а подчас и дома, не сидит, Вельман снабжает секретаря подложным пропуском и посылает за своими ценностями. Он не без основания надеется, что Браду пройдёт в кабинет так, что караульные в зале этого не услышат. В пользу такой догадки говорит не только время, выбранное для изъятия вещей, но и костюм убитого. Посмотрите, он во фраке, в кармане его было вот это приглашение на ужин к доктору Вельману. Именно туда он и должен был привезти ценности – прямо к новогоднему ужину.

– Очень убедительно, очень, – удовлетворённо произнёс Кручинин. – А скажите, пропуск у секретаря был?

– Я думаю, да... без пропуска он не решился бы сюда идти.

– Но ему не пришлось этот пропуск никому предъявить?

– По-видимому, – ответил лейтенант.

Кручинин обернулся к дружиннику:

– Господин Браду предъявил вам пропуск?

После короткого замешательства тот ответил:

– Нет.

– Может быть, вы даже и не видели самого Браду? – спросил Кручинин.

Тот не ответил и, только исподлобья посмотрев на Кручинина, смущённо отвёл взгляд.

Кручинин пробормотал ещё что-то неопределённое.

– Продолжайте, продолжайте, – подогнал шеф лейтенанта.

– Хорошо-с. Но... – тут лейтенант многозначительно поднял палец, – по-видимому, за этой парочкой следили люди, не менее предприимчивые. Им или кому-то из них удалось каким-то, ещё непонятным мне образом проникнуть сюда и овладеть тем, что секретарь Браду вынул из шкафа.

– Как, по-вашему, проник сюда убийца? – спросил шеф. – Этот абзац у вас неявен.

– На этот счёт у меня два предположения: либо через эту запасную дверь по пятам секретаря, либо...

– Ключа от этой двери на связке, принадлежащей полиции, не было? – перебил его Кручинин.

– Он был нам не нужен, так как всегда торчал вот здесь в скважине.

– Изнутри кабинета?

– Да.

– Значит, и сам Браду мог сюда попасть, только разбив стекло и просунув руку внутрь.

– Да. Едва ли ему при этом пришло в голову, что по пятам его кто-то крадёт и ему следует запереть за собой дверь, чтобы спасти себе жизнь, – решил, наконец, проанализировать какое-то обстоятельство и сам шеф. – Так, так, очень интересно. Ну-с, второе предположение?

– В пользу первого предположения, – про должал лейтенант, – говорит то, что убийца ушёл именно по этой лестнице. Наиболее вероятно, что он спешил удрать тем же путём каким пришёл, ему уже знакомым. За это же говорит и то, что я своим ключом не смог отпереть нижнюю дверь: замок был повреждён отмычкой. Но есть у меня и другое подозрение: убийца уже был на станции, когда при шёл секретарь.

– В таком случае он мог сюда войти и по этой лестнице, по которой поднялись сейчас мы с вами? – спросил Кручинин.

Грачику показалось, что Кручинин уголков глаза, так, чтобы никто этого не заметил, наблюдает за дружинником.

– А ключи от шкафа? – спросил Кручинин. – У кого они хранились?

– В полиции их не было, – ответил лейтенант. – Вероятно, они остались у директора Вельмана или у Браду... – И, подумав, подтвердил: – Да, у кого-нибудь из них...

– Но их нет в замках сейфа. – Кручинин ощупал карманы убитого. – Здесь их тоже нет.

– Что это может значить? – недоуменно спросил толстяк-шеф.

– Что преступник унёс их с собой, – уверенно резюмировал лейтенант.

– Хотел бы я знать, зачем? – задумчиво проговорил шеф.

Полицейские недоуменно переглянулись.

Кручинин ещё раз тщательно изучил положение трупа и, делая вид, будто прикрывает рукой зевок, сказал Грачику:

– Не сделать ли тебе для коллекции несколько снимков?.. И будем двигаться.

– Вы... не находите здесь ничего интересного? – с разочарованием спросил шеф.

– Мы же слышали от лейтенанта, – скучающим тоном ответил Кручинин. – Обыкновенное убийство с целью похищения ценностей.

– А мне казалось, поскольку дело произошло на таком объекте, что это... неспроста, – неуверенно проговорил шеф.

– Это противоречило бы тому, что вы говорили мне позавчера. Помните? «Никакого материала для хроники происшествий!»

– Да, да... но, кажется, я поспешил с увольнением репортёров, – озабоченно согласился шеф.

Кручинин ещё раз заразительно зевнул.

– Вы простите, – улыбнулся он шефу, – ко на меня так действует воздух этого долго не проветривавшегося помещения.

– Тут, действительно, дурной воздух, – потянул носом толстяк. – Как на складе макулатуры.

Привстав на цыпочки, он сделал было попытку дотянуться до оконного запора.

– Позвольте мне, – Кручинин отворил окно и высунулся наружу. – Я так и думал, – сказал он с удовлетворением.

– Что именно? – заинтересовался шеф.

– Сонливость как рукой сняло, стоило мне глотнуть свежего воздуха.

Пока Грачик производил фотоснимки с трупа, Кручинин ещё раз осмотрел содержимое шкафа. Как показалось Грачику, Кручинин внимательно перечёл какой-то листок, прикреплённый изнутри к бронированной дверце, и после того быстро перебрал лежавшие в сейфе большие голубые конверты. Ничем другим он как будто не заинтересовался и сказал:

– Нет, положительно мне пора на свежий воздух.

– А знаете, что пришло мне в голову? – воскликнул вдруг с озабоченным видом шеф полиции. – Что могло заставить Вельмана поспешить с изъятием отсюда своих ценностей?

Все посмотрели на него с интересом.

– Они хотят взорвать станцию, и Вельман пожелал спасти свои вещи, – трагическим шепотом произнёс толстяк.

– Эта не лишённая прозорливости догадка – лишний довод за то, что нам отсюда лучше поскорее убраться, – сказал Кручинин и первым направился к выходу. В двери он внезапно остановился и обернулся к начальнику полиции. – В виде особого одолжения мне, коллега, накажите провинившегося дружинника тем, что он останется в этой комнате до утра...

Грачик отметил, что мимо внимания Кручинина прошёл неприязненный взгляд, которым его проводил дружинник.

Обратно по зданию станции посетителей сопровождал черноусый лейтенант. На прощанье начальник полиции крепко потряс ему руку и поблагодарил за бдительность. Лейтенант пробормотал:

– Мне было бы приятно, если бы вы, начальник, простили того парня, что остался наверху. Он правильно поступил, прибежав ко мне наверх, хотя бы и самовольно.

– Ничего, ничего, – добродушно усмехнулся шеф, – до утра он там всё-таки посидит. Устав нужно исполнять... И так, господа, – обернулся толстяк к Кручинину и Грачику, и лицо его расплылось в добродушной улыбке, – теперь мне остаётся загладить испорченный вам новогодний вечер. Сейчас мы придумаем, как это сделать.

– Что касается меня, то я домой, – устало протянул Кручинин. – Мы пройдемся пешком. Это несколько развеет мою сонливость. А на прощанье позвольте мне сказать вам несколько слов, – он взял толстяка за локоть и, отведя в сторону, прошептал ему несколько слов на ухо, словно желая сохранить это в секрете от Грачика и черноусого лейтенанта. Но зато все отлично слышали, как толстяк удивленно воскликнул в ответ:

– О, это невозможно!

– И тем не менее... – уже громко и очень настойчиво произнёс Кручинин.

– Вы настаиваете?

– Безусловно, – решительно закончил Кручинин и подтолкнул толстяка к автомобилю.

С кряхтением разместившись в кабине, шеф благодушно сказал своему лейтенанту:

– Ну, полезайте сюда. Вы заслужили сегодня стакан вина и спокойную ночь.

Бормоча слова благодарности, лейтенант взгромоздился рядом с шефом.

Кручинин услужливо затворил за ним дверцу, но вдруг, вспомнив что-то, снова отвори, её и быстро спросил лейтенанта;

– Секретарь Браду был левшой?

– Нет... насколько помню, кажется, нет, – поправился тот.

Дверца захлопнулась, и машина медленно двинулась по следу, оставленному на снегу грабителями. Кручинин обернулся к Грачику, и тот услышал его характерный тихий смех, обычно служивший выражением крайнего удовольствия.

– Дело, действительно, интересное, это г. добряк редактор был прав, – тихонько проговорил Кручинин.

Грачик не был удивлён этим внезапным переходом от усталой сонливости Кручинина к такому веселью.

– Я же говорил! Говорил я вам, Нил, мой джан, многозначительное дело.

– Мне кажется, что план минирования станции...

Грачик не расслышал конца фразы, так как Кручинин повернулся к нему спиной и вместо того, чтобы направиться по расстилавшейся перед ними широкой улице, ведущей к центру города, исчез за углом узкого переулка.

Где-то поодаль башенные часы гулко, с замысловатым перебором отзвонили час ночи. Это был первый час Нового года.

Кажется, впервые в жизни Грачик так неуютно встречал Новый год – посреди заснеженного глухого переулка чужого города. Грачику стало не по себе.

Но появилось ли у него сомнение в том, что именно тут и именно сейчас он и должен быть? Присутствие Кручинина наполняло его уверенностью: целесообразно всякое, даже самое неприятное нарушение обычного течения жизни. Грачик даже готов был гордиться тем, что он должен сломать любой распорядок предусмотренного отдыха или занятия и, подобно работнику скорой помощи, по первому зову устремляться туда, где нужна помощь искателей истины.

Здесь стоит сказать ещё несколько слов том, что же, собственно говоря, послужило причиной увлечения Грачика ранее чуждой ему областью криминалистики, что заставило его с головой уйти в изучение предметов, никогда ранее не встречавшихся в кругу его интересов к, наконец, стать учеником Кручинина в его деятельности криминалиста, а потом его соратником и убеждённым сторонником.

Существенным фактором в переходе Грачика на новые жизненные рельсы было лично обаяние Нила Платоновича, его огромная начитанность, жизненный опыт и удивительная разносторонность его знаний в соединении с необыкновенной скромностью; решительность действий, сочетающаяся с покоряющей мягкостью; беспощадность к врагам советского общества рядом с чудесной человечностью; смелость до готовности самопожертвования при огромном жизнелюбии – вот те человечески качества, мимо которых редко кто мог пройти из близко знавших Кручинина. Мог ли пройти мимо них и страстный, одинаково ярко загорающийся любовью и нерасположением Грачик?!

Временами, правда, Грачик задумывался над вопросом: почему человек таких высоких человеческих качеств и больших чувств посвящает все свои силы и помыслы возне с наиболее неприглядными сторонами жизни? Надолго ли может хватить человеку душевной чистоты, если ежедневно общаться с преступлением?

На эту тему у них с Кручининим произошёл как-то разговор.

– Видишь ли, друг, – ответил Кручинин, – кто-то, помнится, назвал нас чистильщиками общества. Это неверно потому, что наша задача вовсе не в том, чтобы вывезти на некую моральную свалку гражданские нечистоты, мешающие обществу вести нормальную жизнь. Наша миссия значительно сложнее и много гуманней. Мы, подобно врачу, должны найти поражённое место. А суд уже определит, поддаётся ли оно лечению. Если лечение невозможно, то, подобно, хирургу, суд отделит больной орган от здорового организма общества. Это не случайная аналогия. Я глубоко убеждён в высокой гражданственности нашей профессии, Именно там, в советском суде, где сидят люди с чистой партийной совестью, встретятся в схватке обвинение и защита. Они разберутся в том, что мы, криминалисты и следователи, положили на стол судьи. И в этой схватке родится истина. Да, да, не смущайся, Сурен, словом схватка. Путь к истине должны искать заинтересованные люди. Он, этот путь, сложен и тяжёл, полон загадок и ловушек. Подчас их расставляет не только преступник. Пострадавший тоже способен нагородить невесть чего. Он тоже может лгать; свидетели обеих сторон способны кривить душой. – Грачик слушал с затаённым вниманием, не отрывая восхищённого взгляда от лица Кручинина. – Но сквозь все эти дебри суд должен выбраться на светлый путь истины. Осветить его должны мы. Чего бы это нам ни стоило, мы должны рассказать суду всё, что только человек в силах узнать о делах и мыслях преступника и его жертвы. Это долг криминалиста, долг следователя. Этого требует от них благо народа. Таков высший закон юриста. Таков приказ нашей партии. К сожалению, кое-кто представляет нашу функцию слишком примитивно. Что общество, по существу говоря, знает о нас? Где литература о нашей работе, о людях нашей нелёгкой профессии? Её же нет.

– А, не так, совсем не так! – горячо возразил Грачик. – А так называемая «детективная» литература! Пожалуйста, целая библиотека!

Кручинин сделал пренебрежительный жест.

– К сожалению, – сказал он, – искатели лёгкого заработка дискредитировали этот жанр в буржуазной литературе. То, что в этом направлении сделала литература действительно серьёзного и интересного, относится ко временам довольно давним. По, Честертон, Дойль? Там ты действительно можешь многое узнать и даже кое-чему научиться. Они понимали, что пишут, и знали, как писать. Но современная нам западная литература занята низкопробными пустяками, развлекательством тех, кому нечем наполнить досуг. Дело там доходит до такой идеализации гангстеризма, что будь жив пресловутый Альфонс Капоне, он мог бы предложить свою кандидатуру в президенты Соединённых Штатов. В подобного рода литературе – ни крошки поучительности, ни грана идеи.

– Зачем, зачем вы так говорите! – протестующе воскликнул Грачик. – Чего-чего, а «идеи»-то там вполне хватает. Все то, на чём зиждется современное буржуазное общество, отстаивается и утверждается этой литературой с завидной яростью.

– Друг мой, то, о чём ты говоришь, я не отношу к области «идей». «Идеи человеконенавистничества», «идеи эксплуатации себе подобных», «идеи наживы»? Как же можно называть это «идеями» вообще?! Это же просто духовный гангстеризм, порождённый обнищанием духа. Когда я произношу слово «идея», я имею в виду подлинные духовные ценности. Их-то ты не найдёшь в литературе, которая должна была бы показать читателю высокие пели нашей борьбы, святое дело оздоровления общества. А ведь там ни на йоту воспитательности, ни на грош идеи.

– А ведь если судить по их литературе, – заметил Грачик, – именно в Штатах борьба с преступностью поставлена на научную базу. Их Федеральное бюро расследований, пресловутое ФБР, – это же кладёз современных достижений науки и техники в области криминалистики?

– Беда в том, что вся эта наука и вся эта техника направлены совсем не туда, куда и следовало бы направить и куда направляем их мы, – сказал Кручинин. – Функции ФБР – антиобщественны, поскольку оно, это ФБР находится во власти реакции целиком и полностью. Про аппарат американской полиции и юстиции не скажешь, что он играет роль института, предназначенного для оздоровления общества. Огромная опухоль преступности в буквальном смысле слова разъедает организм американского общества, но ФБР и не думает удалять эту злокачественную язву. От борется с нею лишь постольку, поскольку то го требует безопасность жизни и собственности верхушки общества. Американский судья, американский криминалист, американский сыщик – слуги тех, кто им платит. Нам, советским людям, трудно поверить, что гангстерскому синдикату «Убийца» можно просто заказать «убрать» нежелательное лицо. По таксе существующей в этом синдикате, его убьют. Правда, такса эта высока. Ведь в неё входит оплата снисходительности полиции.

– Да, мне казалось, что... – начал было Грачик, но Кручинин остановил его движением руки и продолжал:

– Вот ты спрашиваешь меня, можно ли, имея дело с преступлениями, аморальностью, сохранить веру в чистоту человека и оставаться чистым самому. А что же, по-твоему, хирург, удалив раковую опухоль, стал менее чист, чем был? Пустяки! Вид этой опухоли не сделал его противников красоты. Напротив, он, вероятно, только ещё больше захотел видеть красивое, верить в здоровое, наслаждаться жизнью во всей её полноте. – Кручинин на минуту задумался и, помолчав, поглядел на собеседника. – Разве ты, мой друг, не видишь сродства миссии освободить жизнь для чистого, всего светлого, что растёт так устремлённо, так победоносно? – Тут, зада желание Грачика заговорить, Кручинин бил его: – Можно подытожить эту мысль положением о служении делу переработки самих нравов, испорченных частной собственностью на средства производства.

– И совершенно ясно, почему Феликс Дзержинский остаётся в моем представлении одним из самых светлых, самых человечных образов, какие рождены революцией... – проговорил Грачик, заражаясь настроением Кручинина. – Какой благородный облик, правда?.. Какой чудесный пример для нас! И какой благородный путь указан им... Вот подлинный «рыцарь революции»!

Кручинин положил руку на плечо собеседника.

– Но в увлечении не совершай ошибки, приведшей кое-кого к большим трудностям и разочарованиям: идти по пути, указанному этим человеком, не легко.

– Ах, Нил Платонович, жан. Зачем так дурно обо мне думаете! Разве я могу считать, что хорош путь без препятствий. Важно, чтобы дорога не была извилистой. А если она пряма... Пожалуйста, не страшны тогда барьеры!

Вернёмся, однако, от экскурса в прошлое отношений Кручинина и Грачика к событиям, происходившим в ту новогоднюю ночь.

СЛЕД ГОРНОГО БОТИНКА

Грачик не без труда догнал Кручинина, успевшего уйти довольно далеко по переулку, как вдруг тот резко остановился и, тихо засмеявшись, сказал:

– Ну, ну, я же знаю: ты стораешь от любопытства, как провинциальная девица. Спрашивай! Грачик понял, что начинается обычная игра в вопросы и ответы.

В старом Будапеште

– Тогда... – сказал он, быстро обдумывая первый вопрос, – зачем вы вдруг на мест, происшествия стали страдать зевотой? Обратите внимание, пожалуйста: не спрашиваю «почему?», – говорю «зачем?». Раньше этого с вами не бывало.

– Тебя прежде всего интересует моё здоровье? Это очень мило, по-дружески... Ответ: потому, что мне необходимо было знать, куда выходит второе окно кабинета.

– И что же?

– Мы идём или во всяком случае стараемся идти туда, куда оно, по-моему, глядит.

– А почему было не спросить об этом прямо?.. По-моему, там были только свои.

– Вот этот-то вопрос меня и интересует больше всего: не было ли в комнате кого-нибудь, кого ты не назвал бы своим?

– По-моему, – с усмешкой сказал Грачик, – тот единственный, кто не был бы «своим», был мёртв.

– Мёртв?.. – Кручинин слегка присвистнул: – Если бы я был уверен в том, что он мёртв. Тут Грачик сам едва не свистнул от удивления, но только протянул:

– Так... А что общего между этим ограблением и планом минирования станции? – спросил он. – Мне показалось, что вы...

– Да, именно это я и хотел сказать: секретарь достал из сейфа план расположения мин в здании централи и объяснение устройства, которым можно произвести взрыв.

– Почему вы так думаете?

– Потому, что владелец шкафа – будь то убитый секретарь или пока ещё живой патрон – человек большой пунктуальности. Все, что хранилось в сейфе, перечислено в табличке, прикреплённой к внутренней стороне дверцы. В этом списке план минирования стоит в ряду, соответствующем номерам больших голубых конвертов. Бумаги или ценности хранятся на других полках и имеют другую нумерацию. Любому из нас было бы достаточно полминуты, чтобы убедиться: именно этого конверта нет на месте.

– Позвольте, пожалуйста! Ведь отперт ещё один маленький ящик внутри сейфа? – возразил Грачик.

– В нём, при всём желании, нельзя было поместить план, нанесённый, несомненно, на большом листе бумаги или кальки.

– Голубого конверта не было и на трупе!

– Не было.

– Значит, его и унёс грабитель? Так полагаете?

– Если он вообще что-нибудь уносил из здания станции.

– Э-э, джан! Вы хотите сказать, что он с своей добычей остался там?

– Грабитель-то, если можно так назвать того, кому этот план был нужен, несомненно, остался там, но пакета у него уже не было.

– Почему вы так думаете?

– Потому что шпингалет окна, которым я заинтересовался, был поднят, и створка притворена недостаточно плотно, в то время как все остальные окна, в полном соответствии с сезоном, были затворены очень тщательно.

– Запор мог быть поднят давным-давно?

– Если бы окно было давно неплотно затворено, то в комнате не мог бы удержаться такой спёртый воздух, и на пыльном шпингалете не сохранилось бы ясного следа пальцев.

– А почему вы думаете, что убийца остался в пределах станции? Ведь лейтенант довольно убедительно показал: проще всего было скрыться по запасной лестнице, по которой похититель и проник в кабинет.

– Последнее требует доказательств. А то, что он убежал по этой лестнице, отпадает. Нельзя беззвучно пробежать шесть маршей по железной лестнице. Это должно быть хорошо слышно далеко за пределами лестничной клетки... Если только человек не бежит в носках. А это тоже отпадает... Одним словом, железная лестница – довольно надёжный свидетель.

– Чему?

– Тому, что никто по ней не сбегал.

– Выходит, по-вашему, убийца оставался в здании, пока мы там были?

Грачик в сомнении покачал головой, но Кручинин отрезал:

– Безусловно.

– Значит, нужно было обыскать станцию. Непременно обыскать.

– И либо найти его, либо нет. Но зато уж наверное показать преступнику или преступникам, что мы кое о чём догадываемся.

– Так почему же вы не попросили шефа оцепить станцию?

– Чтобы сообщники убийцы, те, по чьему приказанию он действовал, пока ничего не боялись.

– Ай-ай-ай! – Грачик укоризненно покачал головой и даже прищёлкнул языком. – А вы думаете, что очень корректно с вашей стороны скрыть все эти соображения от наших любезных хозяев?

Кручинин вынул из кармана листок и, протянув его Грачику, направил на него луч карманного фонаря.

– Полюбуйся.

Это был пропуск в помещение станции.

– Подложный пропуск на имя Браду! – воскликнул Грачик.

– Если бы подложный! Бланк не возбуждает ни малейших сомнений.

– Вы хотите сказать: он выдан... в полиции? Да, трудное время. Совсем паршивое время.

– Не столь трудное, сколь сложное. А общем довольно интересное. Ты не находишь?

– Да, да... – рассеянно повторил Грачи и, помолчав немного, спросил: – Джан... Вед ежели пропуск был предъявлен, а дружинник об этом промолчал, хотя это могло бы его оправдать в глазах начальства, – значит этот дружинник... – И. Грачик, сделав многозначительную паузу, вопросительно посмотрел на Кручинина.

– Ну, ну, – ответил тот, – что ты хочешь от парня, который вчера ещё стоял у станка? Чтобы он не растерялся при виде сразу двух полицейских, да двух иностранцев в придачу?! Ты забываешь условия, в каких тут жил рабочий.

– И всё-таки его поведение мне очень не понравилось... Нет, нет, не понравилось. – Грачик с сомнением покачал головой, что-то обдумывая. Но прежде чем Грачик успел задать следующий вопрос, который должен был разъяснить ему до конца весь ход мысли Кручинина, тот остановился и, указав на верх здания станции, где тускло светилось одинокое окошко третьего этажа, сказал:

– Вот мы и пришли.

Грачик увидел, что они стоят в закоулке, ещё более мрачном, чем прежний. Сюда выходил задний фасад станции. Было очень темно. Несло зловонием, по-видимому, с расположенного где-то поблизости кожевенного завода.

– Нечего сказать, уютное местечко. Совсем для Нового года. Встречайте, пожалуйста, – пробормотал Грачик, но Кручинин не обратил на это замечание никакого внимания. Переходя на обычный для него в таких случаях способ разговаривать с самим собой, словно бы спутника тут и не было, он стал негромко говорить:

– Убийца распахивает окно, вглядывается в темноту. После освещённой комнаты ему плохо видно. Он не сразу различает фигуры стоящих внизу. Подаёт условный сигнал. Тут на лестнице раздаются шаги поспешно поднимающегося человека. Дорога каждая секунда, похититель размахивается и хочет бросить на улицу большой полотняный конверт. В последний момент он соображает, что лёгкий конверт не пролетит пространства, отделяющего задний фасад станции от переулка. Преступник ищет что-нибудь тяжёлое, чтобы вложить в конверт и заставить его упасть на улицу. У него в кармане есть, конечно, перочинный нож, зажигалка и ещё какие-нибудь тяжести, но он не так неосторожен. Мозг его работает ещё достаточно холодно, чтобы не допустить такой глупости: ничего, что могло бы указать на его причастность к этому делу, не должно быть в конверте. Мало ли что... На расстоянии вытянутой руки от него из дверцы сейфа торчит связка ключей. Одно движение, и ключи вложены в конверт. Конверт летит в окно. Окне затворяется, но уже нет времени повернуть медную ручку, запирающую шпингалет...

Пригнувшись к самой мостовой, Кручинин стал рассматривать снег, подсвечивая себе карманным фонарём.

– Вот сюда падает конверт. К нему подбегает сообщник убийцы. Вот он топчется, ищет вот повернул в ту сторону и пошёл... Теперь старина, молись своему святому о том, чтобы следы эти не исчезли или не спутались с другими на какой-нибудь людной улице. Хотя расположение гвоздей на подошве этого джентльмена достаточно характерно, чтобы отличить его обувь среди сотни других. Ботинки сшиты у хорошего специалиста по спортивной обуви. Как умно расположены шипы на внешней стороне ступни! ... – Он помолчал, потом сказал громко: – Как ты думаешь, с чего бы этому субъекту пришло в голову разгуливать в таких ботинках? Потому ли, что износились все другие и он пустил в ход последнюю пару горных ботинок, вовсе не приспособленную к городским прогулкам, или он собрался в далёкий путь, а?

Грачик молчал, потому что отлично знал: Кручинин меньше всего сейчас ждёт его ответа. Чьё бы то ни было мнение его пока не интересовало. И потому Грачик предпочёл наблюдать за тем, как он, с видом напавшей на след ищейки, искусно разбирается в отпечатках ног, становящихся все менее различимыми по мере приближения к людным улицам. На счастье, движения в этот час не было. Город находился на военном положении, и передвигаться после полуночи могли только обладатели специальных пропусков. Все те, кто в данное время находился на «встречах» Нового года, обречены были оставаться там до утра. Это облегчало задачу Кручинина.

По мере того как следить за отпечатками заинтересовавших Кручинина подошв делалось все труднее, он становился менее разговорчив, и под конец друзья шли в полном молчании. Он – впереди, пригнувшись к мостовой, Грачик – в двух шагах сзади и в стороне, чтобы ненароком не испортить след, который может ещё понадобится.

Совсем поблизости башенные часы отзвонили два. По их бою Грачик понял, что это не те часы, которые он слышал у станции. За час друзья, по-видимому, значительно удалились. Грачик не мог себе представить, где они находятся.

Кручинин, наконец, со вздохом облегчения выпрямился и сказал:

– Кажется, пришли.

Грачик увидел, что следы свернули прямо к калитке в глухой кирпичной стене.

– Если я не ошибаюсь, – сказал Кручинин, – этот переулок параллелен бульвару Марии Терезии?

Грачик выразил сомнение в том, чтобы Кручинин мог верно ориентироваться, ни на секунду не оторвавшись от наблюдения за следами. Однако достаточно было осветить номерную дощечку ближайшего дома и свериться с планом города, чтобы убедиться, что тот прав.

– Не думаю, чтобы след автомобиля привёл милого шефа полиции к переднему фасаду того же дома, к которому мы подошли сзади. Однако, прежде чем приниматься за дальнейшее, мы имеем право перекурить, а?

Кручинин закурил. В то мгновение, когда вспыхнул огонёк спички, бросив трепетный блик на лицо друга, Грачику показалось, что черты его отражают полное удовлетворение. Может быть, это было результатом того, что следы привели, наконец, к какой-то определённой цели. Но, может быть, Кручинин, просто-напросто забыв решительно все на свете, наслаждался минутной затяжкой папиросного дыма, подобно тому, как другие способны наслаждаться месячным отдыхом на юге.

Сделав ещё одну затяжку, Кручинин отбросил недокурную папиросу, и она тотчас погасла в снегу.

– Теперь за дело. Ты посторожи здесь, а я обойду, погляжу, куда привёл нас любитель горного спорта. Чертовски любопытно узнать, кто оспаривает у милейшего доктора Вельмана обладание тайной взрыва электростанции. Ты не находишь?

Грачик пожал плечами:

– Я ещё понял бы это, когда речь шла о каких-то ценностях... Но теперь? ... Кто может оспаривать план у секретаря Вельмана? Только наши люди. Но не подозревать же их в том, что... Решительно ничего не понимаю!

– Пока я тоже понимаю немногим больше тебя, – согласился Кручинин.

Прежде чем Грачик собрался ответить, силуэт Кручинина растворился в темноте. Грачик слышал, как поскрипывает снег под его шагами. Но вот смолкли и они. Грачик остался один. Он знал, что его друг способен заставить спутника торчать здесь час, и два, и три – столько, сколько самому Кручинину понадобится на исследование всего, что заинтересует его по ту сторону дома. Он даже попросту забудет о существовании спутника, пока тот ему не понадобится. Поэтому Грачик решил запастись терпением. Он поднял воротник пальто, поглубже засунул руки в карманы и принялся расхаживать вдоль забора, чтобы не дать озябнуть ногам.

Чьи-то поспешные шаги на улице заставили его отбежать к калитке и вжаться в её нишу. И тут он сообразил, что совершил ошибку: он, Грачик, не должен был прятаться в нише! Что если поздний прохожий спешит именно сюда? Он неизбежно наткнётся на Грачика!..

Кто-то, действительно, остановился перед самой калиткой, и рука с такими крепкими пальцами, что Грачик сквозь драп почувствовал их железную твёрдость, цепко схватила его за плечо. Ещё мгновение, и он ударил бы её обладателя рукоятью пистолета, но, к счастью, вовремя раздался тихий смех Кручинина.

«Кажется, он так великодушен, что не попрекнул меня моей грубой ошибкой», – подымал Грачик.

– Ты знаешь, у чьей калитки разгуливаешь? – спросил Кручинин, сдерживая смехок. – Ну, ну, угадывай живее...

– Скажите, пожалуйста, сложная задача! – пренебрежительно откликнулся Грачик и уверенностью заявил:

– Это дом толстяка!

– Ты прав, – сказал Кручинин, и Грачику почудилось даже, что, несмотря на темноту, он видит на лице друга улыбку удовлетворения. – Этот дом, действительно, принадлежит толстяку.

Сердце Грачика наполнилось гордостью. Он стал уже строить в уме целую схему заключений, якобы приведших его к выводу, что они пришли именно к дому толстого шефа полиции. Когда он потом, много времени спустя, пытался разобраться, каким образом подобный вздор мог прийти в голову, то никак не мог этого понять. Единственное, что стало ему ясно впоследствии: для этого, столь же неожиданного сколь вздорного умозаключения не было решительно никаких данных. И Грачик хорошо помнит, как его тогда поразило то, что Кручинин перебил ход его «логического построения» заявлением:

– Только этот толстяк – не шеф полиции, а... директор электростанции, доктор Вельман.

– Выходит, по-вашему, что он сам у себя похитил план? – с некоторым раздражением воскликнул Грачик.

Но вместо того, чтобы ответить ему, Кручинин вынул папиросу и опять принялся не спеша закуривать. Только как следует раскурив папиросу, он сказал:

– К счастью, в доме Вельмана не слишком строго соблюдаются правила противовоздушной маскировки. Заглядывая в щель одного из окон, я ожидал увидеть празднично убранный стол и кучу разодетых людей, весело встречающих Новый год, или хотя бы залу, где под патефон отплясывают фокстроты. Но, к своему крайнему удивлению, я увидел хорошо обставленную гостиную; в каждом кресле находилась фигура мужчины в смокинге или женщины в вечернем платье. Своими позами они изображали крайнее уныние. Да, да, самое откровенное уныние и даже страх. Это чувство, по-видимому, владело решительно всеми... Они сидели, как истуканы, с широко раскрытыми глазами. Можно было подумать, что все они загипнотизированы. Это зрелище мне наскучило, и я перешёл к другому окошку. Там я увидел столовую с длинным столом, за которым не было ни одного человека и который имел вид внезапно покинутого гостями. Так, передвигаясь от окна к окну, я увидел ещё несколько полутёмных и совершенно пустых комнат. Везде царил тишина. Наконец я подошёл ко входной двери парадного крыльца. К своему удивлению и удовольствию, я нашёл её незапертой. После короткого размышления я нажал ручку и вошёл. Никто не вышел мне навстречу. Никто не заинтересовался моим появлением. Можно было подумать, что в доме не осталось ни одного человека, кроме тех нелепых фигур в гостиной. Но, миновав несколько выходящих в коридор дверей, в которые я снова видел комнаты, уже виденные ранее в окна, я услышал, наконец, негромкий голос. Ты хорошо знаешь: нескромность никогда не была моим пороком, но тут я не мог удержаться от искушения и осторожно заглянул в замочную скважину. И вот... – Кручинин сделал небольшую паузу, будто намереваясь разжечь интерес слушателя, а в действительно-

сти лишь для того, чтобы прислушаться к раздавшему, вдали удару башенных часов, – передо мной была рослая девушка с остриженными по-мужски рыжими волосами. Лица её я разглядеть не мог. Она держала около уха белую телефонную трубку. Я не мог не обратить внимания на то, что на этой особе в отличие от остальных виденных мною в окна людей, раздетых в смокинги и вечерние платья, был полудорожный, полуспортивный костюм, мало подходящий для встречи Нового года. Он состоял из толстого жакета, с выглядывающим из-под него свитером, и лыжных панталон, заправленных в тяжёлые башмаки... Последнюю фразу, брошенную девицей в трубку, я расслышал вполне отчётливо: «Просим вас приехать как можно скорее». После этого она достала из кармана пачку папирос, по-мужски закурила и метко бросила спичку в довольно далеко стоящую пепельницу. Мне хорошо запомнилось это уваренное движение, видимо, твёрдой и сильной руки. Затем девица обернулась в тёмный угол и сказала кому-то, кого мне не было видно: «Старая дрянь поплатится. Сейчас здесь будет сам начальник полиции». – «Этот толстый дурак?» – спросил сидевший в углу мужчина. – «Сейчас меня интересуют не его умственные способности, а право шефа полиции арестовать кого нужно», – резко ответила рыжая девушка...

Тут Кручинин рассмеялся и умолк.

– Чему вы? – не скрывая раздражения, спросил Грачик. Он и так уже с трудом сдерживал нетерпение: ему хотелось действовать, двигаться, подобно хорошей охотничьей собаке, уткнув нос в след убегающей дичи, мчаться вперёд и вперёд. – Чему вы смеётесь? – повторил он.

– Если бы ты её видел?! Эту рыжую. Она обернулась – и, – Кручинин снова тихо рас смеялся, – честное слово, если бы я не знал, что не бывает, не может быть крысы такого размера... Притом, представь себе: рыжая крыса-гигант, а?!... Право, я даже попятился с двери...

– Однако бедный толстяк, этот шеф полиции! – вырвалось у Грачика. – Ему так и не дадут встретить Новый год. Да вдобавок ещё поносят его и, по-моему, совсем незаслуженно: он добродушен, но вовсе не глуп.

– Может быть, может быть, – неопределённо ответил Кручинин. – Хочешь знать, что было дальше?

– Говорите же, пожалуйста, говорите, джан! – умоляюще проговорил Грачик.

– Никем не замеченный, я добрался до ко на коридора. Судя по запахам, я был недалеко от кухни. Она меня не интересовала, там наверняка была прислуга, которая могла меня заметить. Пожалуй, пора было поворачивать к выходу, тем более, что я теперь знал: через несколько минут здесь будет наш милейший шеф, и мы вместе с ним можем открыто войти в дом. Я вернулся в прихожую и уже взялся было за ручку парадной двери, когда луч света, падающий откуда-то сбоку, осветил угол за вешалкой. Я увидел несколько пар палок, лыжи, рюкзаки и аккуратно выставленные рядком три или четыре пары горных ботинок. Ну, ты уж и сам понимаешь: я не мог не поглядеть на их подошвы. Я поднял эти ботинки один за другим и увидел... Все они были подбиты именно так, как вот эта пара. – И он указал на следы в снегу, около которых они стояли. – А их там было четыре пары! Да, да, восемь подошв с умно набитыми шипами.

МОЛОКО НА НОЧЬ

Несколько мгновений Грачик в разочаровании глядел на замысловатый рисунок шипов, чётко отпечатавшийся в снегу.

– Значит... эта нить ненадёжна, – с досадой сказал он.

– Такими «уникумами» в этом доме обладают по крайней мере четверо. Впрочем не отчаивайся, – непринуждённо добавил Кручинин. – Я увидел кое-что, вознаградившее меня за пережитое разочарование: из кармана висевшей там спортивной куртки торчал сложенный вдвое голубой полотняный конверт.

– Дайте сюда! – радостно воскликнул Грачик.

– Он... остался в том же кармане.

– Как, вы не взяли его?!

– Не успел. Кто-то шёл по коридору. Но конверт от нас не уйдёт. Мы возьмём его, как только войдём в дом вместе с полицией.

– Вы намерены продолжать поиски?

Кручинин посмотрел на Грачика так, что у того пропало желание задавать вопросы.

– Да, вон и автомобиль. Это они. Марш, марш!

Друзья побежали вокруг дома...

На несколько мгновений Грачик невольно задержался на углу бульвара: представившаяся ему картина была великолепна. В слабом свете затемнённых фар бульвар с его столетними каштанами, опушёнными снегом, представлялся ещё более нарядным, чем в свет месяца. С большим вкусом казалась выполненной природой эта панорама «блек энд уайт». Силуэты далёких домов и собора синели, как задник тонко задуманной и с необыкновенным искусством выполненной декорации. Это было красиво до неправдоподобия... Со стороны автомобиля послышался чей-то не то удивлённый, не то испуганный возглас и смех Кручинина. В слабом свете автомобильной фары стоял толстый шеф и не пытался скрыть своего изумления при виде русских.

– Вот вам мой новогодний сюрприз: мы сами своими персонами! – весело воскликнул Кручинин.

– А мы только что заезжали за вами, – с несвойственной этому весельчаку мрачностью произнёс шеф. – Я был очень огорчён и даже обеспокоен тем, что вас ещё нет дома. Это дело... – он кивнул на особняк Вельмана, – без всякого сомнения находится в связи с тем, что мы с вами видели два часа назад. И должен признаться, у меня пока нет никаких оснований прийти в хорошее настроение. Каждую минуту мы можем ждать, что злоумышленники приведут в исполнение своё намерение, или, вернее, приказ своих хозяев: станция может быть взорвана. Я уже отдал приказание пожарным командам быть наготове, и я хочу передвинуть их в этот район.

– Вы ждёте взрыва? – спросил Кручинин с интересом, показавшимся Грачику подозрительным.

– Да! – трагическим тоном воскликнул толстяк. – Косвенные сведения, поступившие в редакцию, то есть я хотел сказать, перехваченные сейчас полицией, говорят о том, что остатки гитлеровской агентуры получили какие-то секретные инструкции. Какие, мы ещё не знаем, но это может быть именно приказ об уничтожении станции, поскольку враги убедились в том, что им сюда уже больше не вернуться. Когда я думаю об этом взрыве... О, это было бы очень грустно!.. Хотя это и был бы замечательный материал для газеты. Просто прекрасный материал!

– Да, более чем прекрасный материал, – иронически согласился Кручинин. – Так не будем же терять времени.

– Вы заготовили ордер на обыск в доме Вельмана? – спросил шеф стоящего рядом чернородного лейтенанта Круши.

– Так точно, начальник, – отозвался лейтенант. – И захватил несколько пустых бланков для приказов об аресте.

– Идёмте же, господа, – воскликнул шеф, первым вбежал на ступени подъезда и взялся за ручку двери. И как раз в этот момент, словно вызванный его прикосновением, по дому разнёсся вопль. В нем звучали испуг и отчаяние. Это был крик насмерть перепуганной женщины.

Опередив своего начальника, Круши ударом ноги отворил по-прежнему незапертую дверь бросился по коридору. Все последовали за ним. Бежавший перед Грачиком Кручинин на ход толкнул одну из боковых дверей, и их взора представилось странное зрелище: муж-

чины смокингах и дамы в вечерних туалетах продолжали сидеть безмолвные и неподвижные полные напряжённого ожидания. В первый момент приход новых людей не произвёл на эти похоронные фигуры сколько-нибудь заметного впечатления. Но все сразу изменилось, когда они увидели полицейский мундир шефа: всеобщее оцепенение словно рукой сняло. Мужчины вскакивали с мест, дамы натягивали меха на обнажённые плечи, вынимали пудреницы. Все лица, до того похожие на маски восковых чучел в паноптикуме, ожили. На одних появились улыбки, другие обнаружили любопытство, третьи – то были лица пожилых людей – выражали подчёркнутую торжественность.

Но и это оживление было ничем по сравнению с тем, что произошло, когда в дверях показался лейтенант Круши. Тут поднялись со своих мест и дамы. Мужчины подтянулись. Опущенными по швам руками они выражали почтение. Среди общего молчания послышался голос тучного седого мужчины, сделавшего шаг навстречу лейтенанту:

– Мы ждём ваших... – начал было он и осёкся, взглянув на лицо черноусого лейтенанта. Оно выражало гнев и презрение, его косматые брови были угрожающе сдвинуты. Выставив волосатый палец, Круши чётко произнёс:

– В связи с некоторыми событиями этот праздник считаю неуместным... – Он обвёл гостей тяжёлым взглядом. – Всех попрошу покинуть дом. – И, покачивая пальцем, с особенной подчёркнутостью повторил: – Считайте, что праздник не состоялся.

Толкая друг друга, словно их подгоняли, гости с поспешностью устремились к выходу. Но там их ждал Грачик, внимательно следивший за всей этой сценой. Преградив путь гостям, он обратился к шефу:

– Дорогой коллега! Не кажется ли вам, что предложение лейтенанта несколько поспешно. Было бы любезней предложить этим господам остаться здесь. Зачем нарушать старый обычай, хороший обычай? Пускай продолжают новогодний ужин, которого почему-то не закончили. Может быть, стакан хорошего вина сделает их немножко более весёлыми, а?

Шеф вопросительно взглянул на стоящего в другом конце комнаты Кручинина. Тот молчаливым кивком головы подтвердил своё согласие с предложением Грачика и быстро вышел. Грачик повернул ключ в дверях, ведущих к вестибюлю, и сунул ключ в карман. Жестом пригласив Круши и шефа идти за Кручининим, он последним покинул комнату. Напоследок он искоса оглядел замерших от удивления и испуга гостей. Подбородок того толстяка, что первым обратился с вопросом к Круши, отвис, слов, но мышцы утратили силу, необходимую для поддержания этой массивной части его лица.

Несколькими широкими шагами Грачик догнал Кручинина. На мгновение тот прислушался у затворенной двери и быстро отворил её. Грачик увидел пустой будуар. Маленькая, за тененная абажуром лампа горела на столике, и её свет ярко отражался белым лаком телефонного аппарата; в комнате никого не было.

Круши и шеф успели уже добежать до конца коридора и, убедившись, что в остальных комнатах никого нет, вернулись к той, в которой сидели неподвижные гости. Однако Кручинин тоном, не терпящим возражений, приказал:

– Во второй этаж!

Грачик понял, что его друга интересует девушка в спортивном костюме, о которой он ему давеча говорил. Её нигде не было видно.

Все прибывшие быстро взбежали по широкой деревянной лестнице, скудно освещённой матовым бра над площадкой между первым и вторым Маршами, и очутились в коротком коридоре. Сюда выходили двери нескольких комнат. По всей вероятности, это были спальни членов семьи. Виднелись ещё маленькие двери ванных комнат.

Тут все остановились, чтобы прислушаться. Из-за двери одной из спален раздался звук, похожий на рыдание. Предшествуемый бесстрашным лейтенантом, шеф вошёл в эту комнату. Из-за его широкой спины Грачик увидел девушку, которую сразу признал по давешнему опи-

санию Кручинина. Её длинное лицо, с выдающейся нижней челюстью, и казавшееся, вероятно, ещё длиннее, чем было, из-за непривычного для женщины способа стричь свои рыжие волосы, выражало негодование. Во всей её крепкой костистой фигуре, в выпяченной тяжёлой челюсти и в обращённых на гостей холодных серых глазах было столько вели, что Грачик невольно задержал на них взгляд. По-видимому, она произвела впечатление и на его спутников.

Кроме рыжей девицы, в комнате находилась ещё одна женщина – полная, то, что называется «сырая», средних лет, облачённая в вечерний туалет. Лицо этой женщины носило следы увядшей красоты. Но в данный момент оно было красно и опухло от слез. Когда прибывшие вошли, женщина эта сидела в позе отчаяния, подняв над головой руки, словно защищаясь от стоящей напротив неё рыжей девицы. Поодаль, прислонившись спиной к стене, с поразительно равнодушным видом, нимало не соответствующим тому, что представилось взорам вошедших в следующий момент, стоял молодой, атлетического сложения человек. Он был велик ростом, широк в плечах и на первый взгляд производил впечатление циркового гиревика, нарядившегося в мало идущий ему смокинг. Вид у этого атлета был такой, словно ему все происходящее было давно известно, наскучило и, кажется, совершенно обычны делом.

В первый момент Грачику показалось, что, кроме этих трех людей, в комнате никого больше и нет. Лишь приглядевшись, он увидел второго мужчину, неловко лежащего на боку поперёк широкой кровати. Судя по положению тела, окаменелой неподвижности и неестественно раскинутым рукам, он был без сознания; видимо, он упал в постель внезапно. На это указывала не только его неудобная поза, но и то, что на одну руку у него был надет свитер, который он, по-видимому, не успел стянуть или начал надевать. Здесь же валялись куртка верблюжьей шерсти и... горные ботинки, глядевшие подошвами прямо на свет лампы, ярко освещавшей хорошо знакомый уже друзьям узор шипов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.